

Анжела Конн
Сквозь оттенки серого...

Невыдуманные истории

Анжела Конн

Сквозь оттенки серого...
Невыдуманные истории

«Издательские решения»

Конн А.

Сквозь оттенки серого... Невыдуманные истории / А. Конн —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743815-9

Сквозь невыносимую серость бытия проскальзывают, просачиваются, пробиваются лёгкие, яркие, живые краски, которые время от времени расцвечивают жизнь героев и приподнимают их над обыденностью, придавая действиям и поступкам людей особый смысл.

ISBN 978-5-44-743815-9

© Конн А.
© Издательские решения

Содержание

Подстава	6
Осенний этюд	8
Алкоголичка	10
Возродившаяся легенда	15
Все оттенки серого	18
Встреча	21
Дорога от храма	23
Животворящая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сквозь оттенки серого...

Невыдуманные истории

Анжела Конн

© Анжела Конн, 2016

ISBN 978-5-4474-3815-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подстава

Рядом со мной освободилось место. Приятный молодой человек в строгом черном костюме с белоснежной рубашкой и галстуком цвета уверенности, кивнув, сел. Мы едва знакомы. Работаем в одном институте, но на разных кафедрах.

Минуты две-три он внимательно слушает оратора, потом повернувшись ко мне произносит:

– Можно Вашу сумочку.

Я удивленно смотрю, пытаюсь понять, что ему надо.

– Кое-что хочу положить в нее, не бойтесь.

Люблю интриги... Протягиваю свой клатч. Он достает из папки большую пачку долларов, отделяет половину и кладет в мою сумочку. Не скрывая изумления, смотрю и не верю собственным глазам.

– Что это? – спрашиваю напряженным голосом.

– Они Ваши. Делайте, что хотите. Он исчезает прежде, чем я успеваю произнести: «За что?» Вопрос повисает в воздухе.

Я захлопываю сумочку, поднимаюсь с места, направляюсь к задним рядам, чтобы оттуда выйти из актового зала института, где проходит собрание преподавательского состава.

Меня останавливает знакомая молодая женщина, шёпотом рассказывая о бедственном положении известного артиста и его жены. Словно во сне слушаю её рассказ, пока до меня доходит смысл – надо скинуться. Время от времени она бросает внимательный взгляд на клатч в моих руках. Ждёт.

Понимая, что сейчас никак не могу открыть сумочку, так как внушительная пачка банкнот привлечёт ее внимание, что-то пробормотав, продолжаю свой путь.

Выхожу из зала в просторное фойе. Первое, что бросается в глаза – трое молодых людей в штатском буквально сканируют взглядом всё движущее. Сердце замирает. Во что я вляпалась...

Один из них подходит ко мне и вежливо предлагает пройти в соседнюю аудиторию. Внезапная тахикардия сотрясает меня изнутри. Я пытаюсь что-то сказать, но ничего членораздельного произнести не удаётся. Криво улыбнувшись, следую за ним.

В аудитории мы не одни. Краем глаза вижу, что идёт самый банальный досмотр. В институте! Храме науки!

Молодой человек просит открыть сумочку. Дрожащими пальцами щёлкаю замочек. Натянув на руку полиэтиленовую перчатку, он извлекает из клатча пачку денег, опускает в целлофановый пакет, затем задаёт вопросы. Мне ничего не остаётся, как рассказать всё как было.

Он протягивает чистый лист бумаги и просит письменно подтвердить рассказ с указанием моих паспортных данных. После этого отпускает, взяв с меня слово не выезжать из города в течение месяца.

Я выхожу на улицу и начинаю глубоко дышать. Влажный осенний воздух проникает внутрь, приводя меня в чувство. Что это было? Что произошло со мной и с теми, кого, как и меня, обыскивали и допрашивали в аудитории?

Через несколько дней, когда мне пришла повестка явиться в суд, стало известно о крупной взятке, предназначавшейся одному из деканов. В самый последний момент его предупредили об облаве, и он поручил сотрудникам рассредоточить сумму среди присутствующих на собрании.

Проведённая органами внутренних дел дактилоскопия, не выявив моих отпечатков пальцев на купюрах, освободила меня от ответственности.

Декана привлекли, а молодой человек, «подаривший» мне неожиданно-негаданно кучу зелёненьких, получив условный срок, спустя месяц стоял рядом со мной в загсе в торжественно-чёрном костюме с белоснежной сорочкой и галстуком цвета состоявшегося счастья.

Осенний этюд

Ветер вышел на прогулку, хулиганя между деревьями в сквере, срывая листья и бросая их под ноги прохожих.

Они шли зябко ёжась и старались не пустить его под воротник.

Он не унимался, продолжая дразнить: женщин – холодной струёй воздуха, пробираясь снизу под полы пальто, мужчин – срывая легкие кепки.

Никому и в голову не приходило сесть на одну из скамеек в этот тусклый осенний день. Только молодая женщина, споткнувшись о бордюр, присела, чтобы посмотреть не сломался ли каблук...

Она внимательно изучила полусапожки и хотела продолжить путь, как её взгляд выхватил картину в движении: с высоты низко повисшего неба, затянутого сумрачными облаками, каскадом летели багрово-лилово-золотистые листья, похожие на маленькие веселящиеся солнца. Контраст блёклости неба и пурпура листьев её немало удивил, словно никогда в жизни ничего подобного видеть не доводилось.

Они не просто летели... Они танцевали свой единственный последний танец, прощаясь с деревьями и светом... Под музыку ветра-хулигана, который как энергичный дирижер то бросал их из стороны в сторону, то стремительно увлекал вниз и вдруг неожиданно подбрасывал вверх, давая листьям насладиться виртуозным полётом.

Женщина как-то по-детски обрадовалась: потянулась к самому красивому, изрезанному по краям листу, но он кокетливо коснувшись её пальцев, взмыл вверх. Она с досадой улыбнулась, однако от охоты не отказалась.

Как девочка, она подпрыгивала на каблучках, ловя листья, которые ускользали от неё тогда когда, как ей казалось, она достигала цели.

Она вступила в бой с этим неугомонным ветром искусителем и явно проигрывала. Но не огорчилась, наоборот, неожиданно для себя услышала собственный смех.

Стало приятно, что как и листья оказалась в его власти, танцуя под шаловливо-беззаботную музыку.

Из дома напротив за ней наблюдал молодой человек.

Он случайно выглянул из окна и заметил кружащуюся в вихре листьев и ветра молодую женщину.

Это было волшебным видением. Видением из его грёз и желаний...

Грациозная, хрупкая, возбуждённая сиюминутной гармонией природы, она подхватила благодать жизни и отдалась ей.

Мужчина не раздумывая, взял букет роз из вазы, стряхнул с них воду и вышел из дома.

Порыв ветра окутал его ароматом танцующей женщины.

Она обернулась. Пьянящий запах цветов долетел до неё.

Это были последние осенние розы, срезанные мужчиной в своём саду.

Зачарованная, она не сводила с него глаз. Он шёл к ней.

А листья летали, танцуя в воздухе, сплетаясь в разноцветный осенний узор.

Алкоголичка

Она не была ни буйной, ни аморальной, ни вульгарной.
Могло бы сложиться по-другому, но случилось именно так...

Татьяна с трудом приподнимает веки. Сквозь ресницы мерещится плывущий сизый дым и торчащая арматура сгоревшего дома. Голова раскалывается от боли. Зажмуривает глаза. И мгновенно открывает их вновь. Но уже широко. Туман перед глазами слегка рассеивается, и она видит на фоне снежного неба огромные голые деревья с раскинутыми ветками. Татьяна тяжелым взглядом окидывает комнату. На широкой кровати с противоположной стороны мужские ступни, высунувшись из-под одеяла, приковывают к себе ее бездумное внимание. Она усмехается, нехотя поднимается и плетется в ванную комнату. Стоя под горячим душем с остервенением трет тело мочалкой, сдобренную ароматным гелем. Постепенно приходит осознание того, что она человек, женщина, Таня... Какое-то время стоит без движения, позволяя гелю и воде релаксировать ее измученные клетки, забитые отравой и, наконец, почувствовав прилив сил и ясность сознания, выходит из ванны.

Татьяна спешит. Она едет на встречу. Пока едет, перед глазами жуткая картина сгоревшего дома с чёрной арматурой. Призрак полыхающего огня не покидает женщину уже несколько лет, с того самого дня, когда пожар багровыми языками пламени слизал жизнь её мужа в одно мгновение. Они были женаты три года. Мечтали родить ребенка. Не успели. Григорий погиб, выполняя свой профессиональный долг.

Женщина выходит из троллейбуса на Ленинском проспекте у площади Гагарина. Её любимый район... По мнению старожилов, самый интеллигентный в городе. Через подземный переход проходит к противоположной стороне, обогнув угловое здание, попадает на улицу Косыгина. В соседнем с гастрономом «Галс» подъезде находится её «двушка». Здесь она родилась, жила с родителями, после их смерти стала сдавать квартиру в аренду.

Луиза встречает хозяйку как всегда с улыбкой. Она старшая из двух сестёр, проживающих в этой квартире. Женщины приехали в Москву в тяжёлые годы, когда у себя не осталось никаких средств к существованию. Муж Луизы, перенесший обширный инфаркт, остался дома с семьёй сына.

У сына двое детей, сам он с детства слепой, но обладая абсолютным музыкальным слухом, занимается надомной работой – обучает вокалу. Вообще семья музыкальная. Трудилась только невестка, но в смутные годы, когда людей выбрасывали на улицу, оставляя без работы и денег, и она стала жертвой демократических преобразований. На те средства, что зарабатывал сын, прожить такой семье невозможно. Желających учиться вокалу становилось всё меньше, да и с оставшимися он занимался почти бесплатно.

Уговорив сестру, Луиза перебралась с ней в столицу бывшей родины. Здесь тоже было несладко, но всё же, при желании работу найти можно. Она дала несколько объявлений, и через месяц от учеников не было отбоя. Благо у хозяйки в квартире оставалось пианино, и этот факт помог ей определиться со своей занятостью. Сестра, следуя удачному примеру, нашла учеников и занималась английским языком. Женщинам повезло; не пришлось наниматься в услужение, как это делали другие в поисках работы. Они оплачивали квартиру и свой прожиточный минимум, остальные деньги отсылали семье.

Луизе очень нравится Татьяна. Она не похожа на высокомерных «москвичек» из глубинки – дам со взглядом незаслуженно не признанных публикой актрис, и спрятанной в глубинах провинциального, но отштукатуренного сознания фразой «понаехали», готовой в любую минуту слететь с языка, дабы блеснуть «артистическими» способностями, не состоявшейся кинематографической судьбы, вымещая злость и недовольство на людях, отличающихся от их

образа и подобия, портя настроение сёстрам. Особенно в магазинах, когда продавщица, окидывая с головы до ног женщин явно не славянского происхождения неподражаемо-барским голосом цедит сквозь зубы: «Такого размера у нас нет», и демонстративно отворачивается. Или кассирши в театральных киосках по продаже билетов, не терпящим возражения тоном произносят: «Все билеты проданы». С каким наслаждением Луиза врезала бы одной из них, но воспитание не позволяет, а положение обязывает... На птичьих правах... Но театр они любят, особенно постановки их соотечественника Джигарханяна, и никакие ужимки и кривляния этих кумушек остановить их не в силах.

Театр на юго-западе города радует женщин близким расположением. Несмотря на экономию, они время от времени балуют себя новыми спектаклями.

Татьяна душевно приняла их по рекомендации своей давней знакомой, – тоже армянки, – назначила невысокую по тем временам квартирную плату, и предложила помощь в случае необходимости. Она поняла, что этим женщинам «достаётся» и хотела как-то смягчить их пребывание на чужбине.

Такое отношение было родом из детства. Ее тётя, когда-то выйдя замуж за армянина, уехала в Армению. Раза два – давно, еще будучи школьницей, – Таня гостила у них. Яркие впечатления остались от тех поездок...

Солнечный Ереван с обилием всевозможных фруктов, улыбки и гостеприимство людей, ворох подарков, полученных от знакомых и незнакомых во время её поездок, запомнились ей, как самое счастливое время. Как хорошо, что это было в её жизни! Потому что она увидела и на себе почувствовала, какими теплыми, доброжелательными могут быть отношения людей, даже не знакомых друг с другом.

Когда коллеги её спрашивали, не боится ли она сдавать квартиру «лицам кавказской национальности» Татьяна с улыбкой и даже с вызовом отвечала: «А чего бояться... люди как люди».

За чашечкой кофе женщины разговорились. Вдруг Татьяна изменившись в лице говорит, что опаздывает. Хочется поскорее уйти отсюда, пока собеседница не видит, как у неё предательски подрагивает веко. «Тань, у тебя все в порядке? Бледная ты какая?» Луиза знает о Танином горе...

– Да, все нормально, – отвечает, будто в ступоре.

– Если что, скажи, может, помочь чем?

– Нет, спасибо, – улыбается Таня. Луизе не нравится её вид. Да и улыбка вымученная, на улыбку Тани не похожа, словно пародия...

– Я побежала, приду через месяц, спасибо за деньги.

– Ну что ты, тебе спасибо, – расстроенная произнесла Луиза.

Луиза, стоя у окна, провожает взглядом женщину. Плотного телосложения, не лишенная стройности, высокая фигурка Татьяны оставляет впечатление уверенности. Такая женщина способна «и коня на скаку... и в горящую избу...», но сегодня её светло-серые глаза особенно печальны и, кажется, ей нужна помощь. И самое неприятное, откуда у такой миролюбивой, спокойной Татьяны появилась тень агрессии на лице. Что-то с ней происходит, несомненно...

Выйдя в подъезд, Луиза звонит в квартиру напротив. В ней живёт соседка, с которой Татьяна всегда была дружна. Испанка Соня, как все её называют; в Россию она попала с группой детей в маленьком возрасте, когда в Испании в 1936 году разразилась гражданская война – знает о соседях всё.

– Послушай, Соня, – обратилась Луиза к пожилой женщине, – только что у меня была Татьяна, приходила за квартплатой, что-то с ней происходит, ты не в курсе?

– А что с ней? – приглашая сесть, спросила женщина.

– Да, вот, думаю, может, ты знаешь... на себя не похожа...

– Пьёт она, пьёт, Луиза. Сначала с горя, потом втянулась... – не выдержала женщина. – Недавно пришла ко мне, как к старой знакомой. Я ведь её с детства знаю, – с горечью продолжала соседка, – принесла бутылку и говорит: «Давай, выпьем». Так я всё вылила в раковину, перед её глазами. Она обиделась, раскричалась и ушла.

– Но по ней не скажешь, что пьёт, – в смятении заметила Луиза.

– Так это до поры до времени. Она, конечно, стесняется, всё-таки нормальная женщина была, но ничего с собой не может сделать... Я ей и так и эдак, ничего не помогает. А ведь хорошая, жалко её...

– Да, Соня, очень жалко!

– А что же делать?! Да вот не знаю... И родных не осталось... Подумав добавила:

– Есть один у неё, но... надежды никакой, хуже неё пьет, нашла где-то, под забором... Она бессильно махнула рукой.

Татьяна спешит. По скользкому снегу идти нелегко. То и дело поправляет шарфик на шее, не нуждающийся в этом. Нервничает...

На Вавилова садится в трамвай и едет на работу. Простое милое лицо. Неброско, симпатично одета, весь облик гармоничен, однако взгляд – печальный, скорее страдающий – напряжен...

Она работает экономистом и кассиром по совместительству в фирме по поставкам медицинского оборудования. И сейчас все её существо ждёт минуты, когда окажется в кабинете одна. Помимо собственной воли, что-то гораздо сильнее неё – жёсткое, нетерпеливо-алчное, будто вампир внутри – управляет её желанием, требуя немедленных действий. Тело ломит, пальцы мелко трясутся...

Здесь никто не помешает, здесь она хозяйка себе, до обеда её никто не потревожит.. Поздоровавшись с коллегами в коридоре, она проходит в комнатку, попросив не беспокоить, так как должна готовить отчёт. И это чистая правда. Но... после вожделенной рюмочки...

Татьяна открывает сейф, достает бутылку, наливает светлую жидкость и залпом опрокидывает содержимое в рот. Вытерев губы, вздыхает. Наливает вторую, жадно пьёт. Взгляд смягчается, напряжение отпускает... Теперь можно работать.

Берёт папку с бумагами и вдруг вспоминает взгляд Луизы. Мягкий, озабоченный, так никто на неё не смотрел. Как стыдно перед женщиной гораздо старше её, но духом явно сильнее... Ей тоже тяжело, но она не позволяет себе опускаться, напротив...

Татьяна всеми силами скрывает пагубную страсть, ставшую каждодневной необходимостью. Она сознаёт, что докатилась до ручки. Алкоголичка. Симптомы похмелья налицо. Частые головные боли, тремор рук... Да, она не пьет на публике, тщательно скрывает от окружающих, да и от себя самой. Что там говорить... «Домашняя пьяница».

В отличие от Луизы и её сестры, Татьяне некого опекать. Деньги в основном уходят на выпивку и еду. Такая у неё судьба, что ни ребенок, ни взрослый не улыбнётся ей в ответ за подарок, не поцелует, прижавшись... Простые вещи, но как необходимы, чтобы чувствовать себя человеком. А так... кому она нужна, кто подумает о ней хоть иногда. Вот Лёшке повезло...

Когда с Гришей случилось несчастье, она страдала долго. Потом впала в глубокую депрессию... И никого рядом! Родственников почти нет. Одна двоюродная сестра и то, как седьмая вода на киселе, видела ее лет пять назад, иногда перезваниваются, всё! Днём работа спасала, а вечерами одиночество убивало. Не справилась! Не смогла перенести потерю и стресс! Стала пить и почувствовала, что на время уходит от тоски, боли. Понравилось!

А однажды, возвращаясь с работы подобрала, да-да, подобрала как дворняжку, Алексея с пивом, и пошло-поехало плавание в обнимку с бутылкой. Стали жить вместе. Занимались сексом без любви, без радости, потом заливали горечь водкой. Угарное забытие уносило её

от реальности, а яд проникал всё глубже. И для чего ей молодость, красота? Ни к чему... Она понимала, что не остановится, и сознавала – катится вниз...

Промокнув салфеткой слёзы, Татьяна приступает к отчету. Хорошо ещё голова «варит»! Скоро и эта способность улетучится вместе с парами водки...

У Луизы урок. Семилетний мальчик старательно выводит гаммы. Луиза мягко поправляет ему пальчики.

Мысль «как там Татьяна?» не оставляет женщину. Раза два она звонила ей, справлялась – как будто все нормально. Но внутренняя тревога мучит её.

– Ничего, завтра увижу, – промелькнуло у неё, – месяц прошел, придет за платой. Проводив мальчика, бросилась к зазвонившему телефону.

– Слушаю...

– Здравствуйте! С Вами говорит Татьяна.

– Здравствуйте! Какая Татьяна?

– Сестра Вашей квартирной хозяйки...

– Но, у неё нет сестры...

– Я – двоюродная. Мы с ней тезки, (пауза) вернее, были... (пауза), Татьяна ... умерла.

– Что, что Вы говорите, – побледнела Луиза, – мы с ней завтра встречаемся, я её видела живую-здоровую, не верю, это что, больной розыгрыш?

– Нет, сегодня утром её не стало. Сердце не выдержало.

– Сердце... Луиза растерялась. Но почему...

– Она же пила, – сказала сестра. Сказала так, как само собой разумеющееся.

– Я сейчас же поеду к ней. Мне не верится, что Таня умерла, – расстроенная Луиза бросает трубку и бежит к испанке Соне.

– Соня, какой адрес у Тани? Я еду к ней...

– «Университет»... дом с магазином «Рыба»... Что, что с тобой?

– После расскажу, – махнула рукой Луиза и помчалась по лестнице вниз. Найдя дом Татьяны, вошла в большой двор. Пустой. Никого.

– Странно, – подумала женщина, – может, действительно злая шутка. Как так, умер человек и вокруг всё спокойно. Как будто ничего не произошло... В Ереване в таких случаях весь двор заполняется людьми – соседи, родственники, знакомые родственников... Она подошла к подъезду. Входная дверь закрыта. Ни души! Заглянула в окно на первом этаже, увидев лицо, помахала рукой, чтобы ей открыли. Огромных размеров женщина, видно, консьержка, распахнула окно.

– Простите, я к Татьяне...

– А Вы кто ей?

– Знакомая... подруга...

– Нет Вашей подруги, утром в морг увезли.

– Так это правда? Я не верила...

– Правда, к сожалению... Но вы можете подняться, там Лёха.

– Спасибо, я только хотела уточнить.

– Точнее не бывает, всю ночь пила – сердце не выдержало, говорила ей... да что толку... – женщина захлопнула окно, словно поставила точку в жизни Татьяны.

Вернувшись, Луиза всё рассказывает Соне. О внезапном звонке, о двоюродной сестре, о своем разговоре с консьержкой и странном ощущении от пустого двора... Говорит и плачет, ей вторит Соня. Ушла из жизни молодая, красивая, добрая Таня, не справившись с собой. Без поддержки, без помощи...

Луиза приглашает Соню к себе, откидывает крышку пианино и играет. Печальная музыка, льющаяся из-под пальцев, словно реквием по ушедшей Татьяне..

Она играет долго и проникновенно. О потерянной жизни.

Нежные звуки плачут, грустью пробивают толщу стен, долетают до нижних и верхних этажей, заставляя людей на время оставить свои дела. Невольно они прислушиваются, и их сердца, не подозревая о том, что отдают последнюю любовь Татьяне, наполняются искренними чувствами сопереживания, вызванными прекрасной музыкой.

В этом доме она появилась на свет, радовалась цветам и солнцу, ласке своих родителей и улыбкам соседей. Она заслужила ту крупницу любви, с которой они, сами того не ведая, провожают её в последний путь.

Через неделю Луиза с сестрой покинули эту квартиру. Объявились родственники, претендующие на жилплощадь.

Возродившаяся легенда

Всякое действие имеет противодействие. Наверно, по этому закону природы дверь не двигалась. Её дергали с двух сторон – она оставалась неподвижной, только чуть-чуть сотрясалась. Как мужчина и женщина, стоящие по обе стороны от неё...

Женщина – роскошная брюнетка сорока лет, с высоко взбитыми волосами; локоны украшали нежную шею; тёмно-серые глаза метали искры, – пыталась открыть дверь, с ожесточением дёргая её на себя, но безуспешно.

Мужчина – тридцатилетний плейбой с приятной спортивной внешностью, не грубыми, но довольно решительными действиями сильных рук удерживал дверь, не давая женщине, пытающейся открыть её, ни малейшей возможности.

С его стороны присутствовала ещё одна живая душа – совсем молоденькая девушка восемнадцати лет, стройная и красивая своей свежестью и искренностью. Она поняла, что визит её некстати и пыталась ретироваться. Он хотел удержать её, чтобы показать, что держит ситуацию под контролем.

Девушка пришла к своему возлюбленному утром, мечтая нырнуть в его теплую постель и остаться в мужских объятьях до полудня. Всю ночь она провела в сладких грёзах, представляя себе любовные утехи, ставшие смыслом её жизни.

Он появился в её жизни внезапно вместе с наступившей весной. Распахнул дверь... ворвалась любовь. Она ещё не видела его, склонившись над бумагами за рабочим столом, не слышала тембра голоса, но по пробежавшей дрожи, по непонятным импульсам, задевшим нервные окончания молодого тела, поняла, что любовь, о которой она читала, видела на экранах или наблюдала в жизни, пришла и к ней.

Он заговорил, здороваясь с каждой из женщин, работающих в отделе, – она услышала голос, который мог принадлежать только её мужчине. Она почувствовала оживление сослуживцев, неизвестно откуда появившееся в них кокетство и волнение при виде Адама.

Охи-ахи, расспросы и волнующий женский смех разлились по комнате. Она ещё усерднее склонилась над бумагами, боясь взглянуть на того, кого ждала подсознательно последние годы.

Слегка вздрогнула, услышав прямо над головой бархатный голос: «Вы новенькая? Давайте знакомиться!»

Она медленно подняла порозовевшее лицо, на котором проступили чувства, вызванные его появлением... Он мгновенно откликнулся, очарованный взглядом бесподобно лучезарных глаз, обещающих страсть...

Разомкнувшиеся губы произнесли одно единственное слово – «Лилит», но этого было достаточно, чтобы представить необузданную сцену любви с женщиной, которую он искал всегда.

«Лилит...» мысленно отозвался он, и потерял покой. Дождался окончания рабочего дня, встретил у выхода. Пошли они по весеннему городу, наслаждаясь цветущими деревьями и пахучими травами. Благоухание природы усиливало их тягу друг к другу; пальцы касались пальцев, губы тянулись к губам, плоть жаждала любви...

Адам привёл Лилит к себе... Их любовь была похожа на разгорающийся огонь. Засиявшая искорка между ними всё ярче и ярче... Появившийся язычок пламени заставил их сбросить все вещи, стесняющие движения. Страстность и неукротимость молодых тел... Они двигались в такт подобно мощному пылающему пламени, испытывая неописуемую яркость чувствования. Динамика движений всё выше и выше... Накал невероятный...

Ни он, ни она никогда прежде не ощущали в себе подобной силы, мощи и власти. Казалось, вместе с силой мужчины и женщина прониклись знанием и мудростью многих поколений, их генетической памятью и умением любить...

Насладившись, они отдыхали, улыбаясь друг другу. Танец чувств повторялся много раз и в последующие дни. Они никогда не уставали, как и огонь, пылающий и танцующий на ветру.

Но сегодня Адам не ждёт Лилит. Ева мягко обнимает возлюбленного, прильнув к его груди. Они вместе давно, хотя живут врозь. Об их связи знают все, в том числе и тринадцатилетняя дочь Евы, к которой Адам относится как к собственному ребёнку.

Прекрасная Ева! Она так любит его! И какое значение имеет тот факт, что он почти на десять лет младше её... Чепуха, зато это даёт ей возможность полностью владеть им, отдавая любовь не только женщины, но и матери. Он её мальчик, её радость за все те лишения, которые ей пришлось вынести до встречи с ним. Для него она готова на всё, лишь бы не расставаться никогда.

Нежная, покорная, она будет служить ему до конца дней своих, опекать, заботиться и любить. Любить! Да, уже не такой страстной любовью, как в начале их знакомства, а более спокойной, мудрой и предсказуемой.

Ева смотрела на обожаемого мужчину, нежно проводя пальцами по крепкой мускулистой руке. Он был задумчив. Она никогда не расспрашивала, принимая его таким, как есть. Они были свободными людьми без обязательств, принуждения или каких-либо отчётов друг перед другом. Никаких претензий. Им было хорошо вместе.

Но в это хорошее вкрадывалось его беспокойство. С тех пор как Адам познакомился с Лилит, он понял, что покой потерян. С ним рядом была Ева, а он стремился к Лилит...

Лилит... непостижимая, завораживающая, непредсказуемая... И земная Ева – живая, тёплая, охраняющая семейный очаг... С ней хорошо, уютно, но... пресно. С Лилит же можно забыть обо всём, погружаясь в страсть и неукротимость. Однако её не приручить, не удержать. Слишком своевольна и свободна.

Ах, если бы всё сочеталось в одной женщине... А была же Ева когда-то такой, как Лилит сейчас... Такая же неукротимая, сотканная из огня и воздуха...

Нетерпеливый звонок в дверь поднимает Адама с места. Ева провожает его взглядом, внимательным и сосредоточенным. Через минуту, когда она слышит звук прикрывшейся двери и разговор, ею овладевает страх. Она прислушивается... Страх сменяется яростью. Ева пыта-

ется открыть дверь, но её усилий явно недостаточно. За дверью слышится воркующий молодой голос. Ева теряет рассудок, мечется по квартире.

Адам просит Лилит подождать его на улице. Он входит в квартиру, и Лилит слышит крик отчаяния. Бросается вслед за ним.

Окровавленная Ева с перерезанными венами лежит на полу. Красные капельки крови на светлых стенах, на полу, на ноже... Потрясённый Адам просит Лилит вызвать «Скорую».

Вдвоём они стоят перед операционной, за дверью которой врачи борются за жизнь Евы. Они молчат. Лилит осознаёт, что она замкнула вечный треугольник, известный своим коварством со дня сотворения мира. Адам вдруг понимает, что Евой ничего не потеряно – нежность и страсть, покой и необузданность двигали ею.

Выходит врач. По его лицу видно, что всё закончилось благополучно. Оба облегчённо вздыхают. Им разрешают взглянуть на больную.

Лилит медленно подходит к Еве, слегка касается её волос, целует Адама и внезапно растворяется в воздухе.

Ева открывает глаза, полные любви, обожания и страсти. Страсти, которую вдохнула Лилит. Адам смотрит на неё с изумлением. Перед ним истинная женщина по имени Ева, в которой всегда присутствует Лилит. Она знает волшебную тайну жизни и не выдаст её, оставаясь неразрешимой загадкой.

Все оттенки серого

Анастасия попала в больницу вчера вечером.

Тупая боль в области пупка разрасталась на протяжении нескольких часов, и к вечеру, несмотря на наплевательское отношение молодой женщины к боли вообще, попросила родных отвезти её в больницу. И вовремя. Срочные анализы, диагноз – она на операционном столе, а через час – в реанимации без гнойного аппендикса.

На следующий день, находясь уже в больничной палате хирургического отделения, с запоздалым страхом думала о своем пофигизме и возможных неприятных последствиях. О них ей рассказали, когда она пришла в себя после местного наркоза.

Сейчас же она лежала недвижимо, и обзревала пространство вокруг. Вот так неожиданно-негаданно изменился на время ритм её жизни, и она осваивала новые для себя обстоятельства.

Лечебная клиника была не из бедных – это чувствовалось по интерьеру, персоналу и оплате их услуг. Уютная палата с двумя современными функциональными кроватями и своим санузелом в отсеке была окрашена в неподдающийся на первый взгляд оценке цвет.

У основания стены он был густо стальным, скорее серым, а по мере подъёма по ней, ближе к середине переходил в голубиный, трансформируясь в серебряный, затем во французско-серый и наверху, у потолка, разливался в циркон – едва различимый серебристо-голубой. «Вся палитра серого, – подумала девушка, – но как благородно и легко, со вкусом»...

Она осторожно повернула голову, чтобы увидеть ту, которая занимала кровать напротив и... замерла. Не мигая, прямо и открыто её изучала пара серебристо-серых глаз.

Невзирая на стальной блеск, взгляд излучал доброту и любопытство. Несоответствие цвета с мягкой улыбкой придавало ему неземное очарование.

Глядя в эти огромные глаза, Настя заворуженно кивнула.

- Вы давно здесь? – её голос звучал хрипло.
- Два дня, – откликнулась незнакомка.
- Тоже аппендицит? – Настя откашлялась, устраняя хриплость.
- Нет, я по другой причине, ещё день-другой и выпишут.

То ли от боли, то ли от голоса незнакомки Настя внутренне съёжилась. Он показался ей слишком низким, грубоватым...

Большеглазая соседка сползла с кровати и засеменила к туалету. Икры её голых ног – толстые, покрытые тонкой сеточкой голубоватых вен – неприятно поразили Настю. Может, танцовщица...

Непонятное беспокойство, появившееся с самого начала при виде молодой женщины, не отпускало её. Она не могла понять, что именно напрягает, что не стыкуется... И вдруг её осенило – глаза! Эти глаза знакомы ей, она их видела... Но где и когда!

Настя старалась вспомнить – увы! Ничего не получалось, неужели так подействовал наркоз... Она самым внимательным взглядом окинула возвращающуюся из туалетной комнаты незнакомку, нет, она её не знает – угловатые движения, чужое лицо, хоть и красивое – никто не вырисовывался в её памяти, ни в близкой, ни в далёкой. Только глаза, эти знакомые глаза... Откуда они? Чьи?

– Простите, – Настя решила прекратить свои мучения – у Вас есть брат? Выразительный взгляд и неожиданный ответ ещё больше встревожил её.

– Нет. Ни родного, ни двоюродного. А что?

– Я вас не знаю – это ясно, но Ваши глаза...

– Мои глаза и... меня Вы очень хорошо знаете, – улыбнулась, помедлила и представилась – Женя. Настя в замешательстве смотрела на неё. Смутилась, задумчиво, словно не решаясь, произнесла – нет, не знаю, простите...

– Вспомните школу, мы учились в параллельных классах...

Настя попыталась присесть, боль в месте разреза не позволила сделать это, она поблуждала и не сводила взгляда с Жени. Её сознание переметнулось в прошлое, погрузилось в школьный шум, выхватывая лица ребят и девочек. Боль, недоумение, сомнение, невероятность того, с чем она сейчас столкнулась – все перемешалось на изумлённом лице.

– Да, учились, – пролепетала она, но, но... Этого не может быть... Вы, Вы были... парнем...

– Уф, наконец-то, – выдохнула Женя, – раз ты признала меня, не буду скрывать, была Евгением – стала Евгенией.

– Как это? всё ещё ошеломлённая Настя не сводила с неё глаз.

– Просто, сменила пол. – Настя не верила ушам своим – просто? так взяла и сменила?

– Нет, конечно, были долгие раздумья, подготовка... я с детства ощущала себя девочкой, куклы, дочки-матери, ну знаешь, всякие девчачьи игры. По мере взросления стала понимать, что природа совершила ошибку – в мужскую оболочку втиснула хрупкую женскую сущность. Одним словом, не в своём теле, понимаешь... Эта мысль не давала мне покоя, я поняла, что должна исправить. Стала собирать информацию и, получив поддержку родителей, после школы уехала в Таиланд.

Краем уха Настя слушала невероятный рассказ, а глазами вспоминала симпатичного Женьку в коридорах школы на переменах, мысленно видела его ладную юношескую фигуру; вот он переходит от одной стайки девочек к другой, шутит, смеётся, подходит к другой группе, оставляя и там какие-то смешные истории и своё обаяние... а ведь совсем недавно было, несколько лет прошло... Как влюблялись в него девочки! как страдали, а он оказывается испытывал ни с чем не сравнимые муки... Чувствовали его непохожесть, некую странность, но никому и в голову не приходило, что за этим могло скрываться...

... – В Таиланде операции по смене пола делают виртуозно. Стала работать там гидом и целый год готовилась к ней. Сложный процесс, но игра стоит свеч. Проходишь несколько этапов – психологическая подготовка, гормональная, затем сама операция, потом пластическая...

Путь не из лёгких – обрела своё тело, пришёл и душевный покой, – она вздохнула и улыбнулась своей серебряной улыбкой.

– А ты меня сразу узнала? – спросила Настя.

– Узнала, не хотела вводить тебя в шок. А как увидела твоё смятение, решила рассказать.

– А здесь по какому поводу? – Настя всё еще не пришла в себя от услышанного.

– Время от времени профилактически ложусь на осмотр, Таиланд не близок... Эта палата мне нравится, она одна окрашена в серые тона. Необычные сочетания. Вопреки общепринятому мнению не всё серое безнадежно, в нём целая палитра чистоты и свежести...

– И твои глаза тому подтверждение, – рассмеялась Настя, – более лучистых и ярких, чем они не доводилось видеть. Женя благодарно кивнула, оценив поддержку бывшей соученицы.

– Завтра меня выписывают, я постараюсь сделать подтверждение более зримым, – пообещала новоиспечённая подруга.

Засыпая Настя про себя отметила, что избавление от гнойного аппендикса привнесло в её жизнь нечто такое, что раньше ни при каких условиях она не смогла бы ни понять, ни принять.

Жизнь человека полна неожиданностей, и никто не знает, на каком из её поворотов обретёшь новые оттенки и по-другому посмотришь на то, мимо чего проходила раньше не задумываясь.

Утром, когда её привезли в палату из процедурной и уложили на кровать, перед ней предстала Евгения в женском великолепии.

Одетая в изысканно серый, переходящий из одного оттенка в другой, наряд создавал образ стильной, яркой женщины, уверенной в своём выборе и неотразимости. Шёлковая ткань мягко облегла её невысокую грудь, плавно спускалась по бёдрам, подчёркивая их округлость, и в то же время придавала лёгкость фигурке фосфоресцирующей голубоватой структурой. Женя улыбалась. И улыбка так шла ей, женщине обретшей себя.

В порыве передавшегося ей счастья Настя, забыв о боли, впервые присела, подозревая Женю к себе, обняла прошептав: – Ты и парнем была отличным, но в образе женщины – бесподобна!»

– Будем дружить в моём новом качестве, хотя должна признаться, что в той жизни ты мне очень нравилась, – рассмеялась Евгения и добавила, – кто старое помянет...

Встреча

Посвящая дочери

Прижимая к уху мобильник и улыбаясь кокетливо, зашла в уютное кафе, взглядом выбрала столик в углу, прошептала:

– Села.

– Хорошо, приятно там находиться?

– Да.

– Закажи что-нибудь...

Она взглядом позвала девушку, попросила: – «Мартини, пожалуйста»...

– «А кофе?» – прозвучал голос из мобильного.

Она велела девушке принести чашечку кофе.

Голос из мобильного поинтересовался:

– Люди есть в зале?

– Зал для некурящих. Кроме меня – никого.

– Отлично. Я хочу тебя видеть... сделай фотку... Она на расстоянии вытянутой руки сделала снимок, и легким нажатием пальчика по клавише айфона отправила его адресату.

– Ты прекрасно выглядишь! Но кое-чего не хватает...

В проеме арки показалась менеджер с букетом её любимых роз, и заговорщически улыбаясь, протянула ей цветы.

Она в замешательстве, удивляясь, вымолвила: «Спасибо, но как?!»...

Мужской голос из телефона: – «Понравились?»

– Да, очень... мои любимые, бледно-желтые... В больших глазах изумление и восторг...

– Давай выпьем, – предложил он, – момент, налью себе, вместе поднимаем фужеры...

Она с удовольствием отпила, разглядывая бокал.

– Ну, что взгрустнула? – бархатный баритон, словно лаская, проникал в самое сердце.

– Ты все чувствуешь, видишь, слышишь, но так далеко от меня...

– Чего бы ты хотела сейчас больше всего на свете?

– Чтобы ты был рядом...

– Не грусти, мы скоро встретимся, скоро... слышишь?!

– Да – она вздохнула, – я жду этого... два месяца... мне кажется, мы никогда...

– Ничего не говори, – голос прервал ее, – смотри... В пространстве вокруг внезапно что-то изменилось.

Она подняла голову, не отрывая мобильник от лица. В зал входил тот, с кем она познакомилась два месяца назад в сети, тот, с кем она переписывалась ежечасно, тот, о ком она мечтала последнее время. Они жили в разных государствах и представить, что именно сейчас произойдет их встреча, и виртуальное знакомство, начавшееся внезапно, станет реальностью – было невозможно.

Лицо, которое она изучала эти два месяца с экрана телефона, склонилось перед ней. Он взял ее руку в свою, поцеловал и произнес:

«Вот и встретились. А ты не верила».

– Но, но... – девушка задохнулась от неожиданности, от чувств, охвативших её с ног до головы. Она приподнялась, пытаясь что-то сказать, и очутилась в его объятиях, сильных и нежных. Об этом она грезила почти шестьдесят дней не веря, что когда-нибудь увидит его.

Свершилось! Не чудо ли?

Дорога от храма

...Мерцающие звездочки... Нет, скорее пляшущие огоньки... Где я? Церковь? Запах ладана... Точно, церковь... Глаза втянулись в полумрак. Ах, это свечи горят... Со всех сторон склонились лики святых. Внимательно смотрят.

...Чего хотят? У меня уже больше нет ничего... Посочувствовать? Разве это возможно? Посочувствовать тому, чего нет...

Боль... Боль пронзает... Боль всего тела. Сердца? Нет, оно превратилось в камень. Камень не может дышать, жить... Нет сердца. Может, боль головы? Её тоже нет, как может болеть то, чего нет? Не может быть головы без разума. Пропал разум.

Чувствую только боль тела. Не могу не чувствовать, швырнули безжалостно, как... как что, не знаю, не могу подобрать слов, мысли путаются... А вот, нашла – как мусор... ненужный мусор. Помню асфальт, об который швырнули... Почему-то красный, наверно, должен быть таким... в таком важном месте... Для красоты? Или специально?

До удара о землю стояла, вцепившись одной рукой в железную решётку президентского забора, а другой держала древко, на котором портрет моего мальчика. Рядом ещё женщины, в траурных одеждах, как и я. И все с портретами своих сыновей.

За спиной – одна из центральных улиц. Машины мчатся потоком, сверкая стёклами и грудой железа под солнцем. Почему-то солнце всегда светит для них, владельцев ультрасовременных машин, а незрячая, безгласная луна ночью освящает их преступные мысли...

Ни одна не остановилась, ни из одной не вышли люди, когда меня волоком тащили через широкий проспект к противоположному тротуару. Притормозили, чтобы пропустить... Как ни в чём не бывало, продолжили путь... Ослеплённые солнцем, властью, достатком. Ведь пока их не коснулось... Подумаешь, волочат какую-то сумасшедшую (это меня) ... Удобно так думать, оправдываешь сразу всех – себя и тех, кто тащит.

За коваными решётками – зелёное безмолвие рая. Лениво-спокойное... В этой тиши решаются государственной важности дела. Мы, несколько женщин, злостные нарушительницы безмятежности аркадской идиллии... Кричим, требуем, плачем, умоляем... Уже который день! Нет ответа.

Как и не было три месяца назад, когда случайно, из бегущей строки какой-то передачи прочитала о гибели моего сыночка. Не поверила! Ему оставалось всего полгода до конца службы. Бросилась по инстанциям... Подтвердилось. Не поверила, что самострел... Не поверила... Мы оба ждали конца срока, он знал, что я дни считаю. Один офицер из части сжалился, видя, что убиваюсь. Шепнул: ходят слухи – убили. Убили, у-би-ли сына... Пытаются скрыть. Посоветовал обратиться в прокуратуру.

Обратилась! Написала заявление. Три месяца обиваю пороги. Ни одна тварь не открыла высокую дверь, чтобы взглянуть на горем убитую мать. Ни словом, ни жестом, ни взглядом... Пришла к президентскому дворцу. Нашла здесь таких же страдалец, как я. Оказывается, нас немало. И всё, чего мы хотим – законного расследования причины. Глухая стена... Кусочек их рая, лишивший обитателей зрения и слуха. Кучка слепых и немых...

Рассевшихся в роскошных кабинетах, катающихся по миру, жрущих за счёт нас и наших детей, посылающих их на заклятие за свои грехи, убивающих без суда и следствия...

Я не выдержала. Не до приличий. Стала кричать, ударила портретом сына полицейского, пытавшегося отцепить мои пальцы от решётки. Это взбесило их ещё больше – проклятия посыпались из меня. Поддержали женщины рядом... Набежал целый отряд защитников власти... От женщин, отдавших на служение Родине своих детей... Четверо – двое за ноги, двое за руки – тащили меня визжащую, отбивающуюся от цепких рук на противоположный асфальт, подальше от дворца, чтобы не дай Бог, за закрытые окна не пробрались наши вопли.

Поток машин так и двигался, как прежде, продолжая свой путь в никуда. Хотя и видели из своих окон всё.

А казалось всегда, что солнце светит для всех, и луна ночью освещает всю землю. Землю ставшую для меня и этих женщин адом... Землю, на которой вырождается человеческое, уступая место зверю... Кто меня поднял с асфальта и привёл сюда – не знаю. Может, сама. Не помню.

И почему я в церкви? Она способна разъяснить, утешить, защитить? Всё равно моего мальчика нет. Нет, и никогда не будет... Я иду к тебе, сынок. Нет мне места на земле глухих, слепых, бездушных...

Но сначала я поборюсь... До последнего вздоха. До последнего слова. Я достану это царство теней криком, стоном, проклятием...

Это лживое, дрожащее за своё благополучие, безразлично – молчаливое кладбище живых людей убивает... Осталась одна дорога – к мёртвым. Они не лгут...

Но сначала поборюсь. Присоединяйтесь матери, потерявшие сыновей! Нам нечего терять...

Животворящая

Я была в шоке от действий этого человека. Но начну с самого начала.

В одну из ночей, как это иногда бывало, мне не спалось – мучила бессонница. Я поворачивалась и на правый, и на левый бок, ложилась на живот – моё излюбленное положение – потом на спину – безрезультатно. Ни в одном глазу!

На кровати рядом муж похрапывал, дразня отменным сном. С завистью повернулась, надеясь, что моим страданиям придёт конец, и я усну. Поправляя перекрутившуюся ночнушку на животе, наткнулась на что-то твёрдое. Я остолбенела.

Запустив пальцы под рубашку, стала медленно ощупывать живот. Что-то эллипсообразное, с твёрдо-очерченным контуром, жило во мне. Ужас обуял... только этого не хватало! Откуда взялось... Ведь не было... Жила-не тужила сорок девять лет без особых проблем со здоровьем, и пожалуйста, получай подарок на пятидесятом году жизни в виде опухоли. РАК!? Страх извиваясь, как мерзкая гадюка, вполз в сердце, зацементировал его так, что дыхание отключилось... Покрываясь холодным потом, оцепенев, поняла, что пришёл конец моей развешенной жизни. Единственный орган моего тела – мозг, несмотря на ступор в эту минуту, трезво твердил:

– Успокойся, ещё ничего не известно, возьми себя в руки...

Повинуясь, собралась с силами... Выдохнула. Смутно уловила неровное биение движка. Завёлся...

Встала. Пройдя в другую комнату и задрав сорочку, стала рассматривать живот в зеркале, пытаюсь найти какие-то внешние признаки проклятой опухоли. То, что она была, я не сомневалась, но в каком статусе обитала во мне – не знала. Пока я крутилась с голым животом перед зеркалом, поворачиваясь то одним боком, то другим, почувствовала, что руки высохли и перестали дрожать, сердце нашло свой ритм и бьётся почти в обычном такте. И, к моей большой радости, никаких выпираний живота не обнаружила. Напротив, двадцатилетняя сейчас бы обзавидовалась при виде моей стройной фигурки. Я решила не паниковать и, вполголоса прошептав любимую пословицу «утро вечера мудренее», отправилась спать. Легла и... уснула.

Мудрое утро было воскресным. Открыла глаза – рядом никого. Из ванной доносился звук льющейся воды, муж принимал душ.. Дети еще спали. Решила никому ничего не говорить, не будоражить раньше времени.

Через минут двадцать, когда ароматы помидоров, залитые взбитыми в воздушную пену яйцами, сдобренные душистым перцем, поползли из кухни в уголки квартиры, семья как по команде, собралась в кухне. Дочь, уплетая за обе щеки, спросила:

– Мам, плохо спала? Глаза опухшие...

Муж и сын, наконец оторвавшись от тарелок, взглянули на меня.

– Мало спала, книга интересная попалась, – сказала я, разливая чай.

– А-а-а... – протянула дочь, – дашь почитать?

– Чейз. Ты лучше свои книги читай... – Дочь училась в медицинском.

– Любят женщины детективы, – заключил муж.

– А что делать, когда острофы в жизни не хватает, – сказала, а сама подумала: – «Знали бы, что на острие оказалась».

Еле дождавшись окончания завтрака и сославшись на то, что мне необходимо кое-что узнать у соседки, я поднялась на пятый этаж, где жила Зоя Георгиевна, опытный гинеколог, заведующая отделением в акушерско-гинекологической клинике, и рассказала ей о своём ночном открытии.

Эта женщина была не только умница, но и красавица. При виде её, больные на время забывали о своих недугах. Вот и сейчас, выслушав внимательно, улыбнувшись очаровательной улыбкой, предложила мне прийти в клинику, чтобы произвести полный осмотр.

– Не нервничай, Жанна, – успокаивала она меня, – я думаю, это миома. Каждая вторая женщина в твоём возрасте обзаводится ею. Жду тебя завтра.

Утром следующего дня я стояла в её кабинете, просвещённая знаниями о миоме всем, что могла вычитать в интернете. Зоя Георгиевна в сверкающе-белом халате указала на кресло, которого избегают все женщины мира.

– Сейчас узнаем... – натянув тонкие медицинские перчатки, принялась за осмотр. «Какая всё-таки красивая», – в очередной раз любуясь ею подумала, что красота врача – прекрасный отвлекающий и в то же время обнадёживающий фактор. Вообще от неё веяло спокойствием и уверенностью. Осмотрев тщательнейшим образом мою матку, она голосом врача, а вы знаете, каким он бывает, сказала, что у меня хо-ро-шая миома...

– Что значит хорошая? – поинтересовалась я.

– Хорошая – значит большая, не меньше тринадцати недель. Необходимо хирургическое вмешательство, ты запустила болезнь.

– Не было никаких симптомов, – возразила виновато я.

– Хорошо, будем думать о том, что нам делать. А делать надо вот что... Она села писать направления на сдачу анализов в лабораторию.

– Обязательно УЗИ, тогда окончательно установим диагноз, хотя, – она взглянула на меня своими чудесными серо-зелёными на пол-лица глазами, – никакого сомнения нет. И обязательно скажи Павлу, скрывать от него нет смысла.

– Не хотела волновать... – Ничего, ты же волнуешься, давай, не дрейфь. – Ох, как же ей шел белый халат, – с такими мыслями я покинула кабинет и занялась своими анализами.

Два дня беготни по кабинетам и лабораториям полностью убедили меня в неотвратимости операции. До этого как-то не верилось, что лягу под нож. Думала обойдётся, но осмотр, результаты анализов, УЗИ подтвердили диагноз: необходима субтотальная гистерэктомия.

Вечером, когда дети и муж были дома, сказала бодрым, почти весёлым голосом: «Ну, ребята, везите меня завтра на операцию.» – Что? – в один голос воскликнула семья, – какая операция? Пришлось рассказать всё с самого начала. Они обступили меня, стали обнимать, целовать, успокаивать. Я заверила их, что спокойна и мне даже самой интересно пережить операцию и набраться опыта. Чему быть – того не миновать! Надо так надо!

– Всё пройдёт хорошо, – убеждал Паша, но я понимала, что мы стараемся держаться. И та гадюка, вползшая в меня, извивом страха напомнила о себе...

Ночь перед госпитализацией была тревожной. Боялась ли я? Однозначно – да. Но не долго. Другие вопросы вытеснили страх. Для женщины очень важные. Если останусь жива, а скорее всего останусь, какой буду без одного органа, самого главного, отличающего женщину от мужчины.

У врачей всё просто, нет органа – нет проблемы. А каково женщине, лишённой матки... Я отдавала себе отчёт в том, что репродуктивная функция для меня давно позади: у меня двое взрослых детей, рожать я не могу, да и не собираюсь, в сорок девять на нашей планете рожают единицы в исключительных случаях, так в чём же дело?

И тут меня осенило – исчезнет сакральность женского естества, моё божественное начало. Ох... До сих пор оно одаривало меня мудростью и пониманием, женственностью и спокойствием. Это давало мне могущество и практичность, раскрывая бездонное море любви, которое наполняло мой мир теплом, уютом, радостью... Не помню, чтобы когда-нибудь я сожалела о том, что родилась женщиной. Гордилась!

Именно матка является подсознательным элементом женственности, причастности к женскому полу. Кроме этого, матка поддерживает естественное физиологическое равновесие организма женщины. Лишившись её, какими болезнями обзаведусь? До сих пор считала себя здоровым человеком... Но что будет через некоторое время – я не знала. Да и кто знал? Будет ли у меня интимная жизнь, изменится ли спектр сексуальных чувств и желаний? На все эти вопросы у меня не было ответов.

Ясно одно – ситуация требовала решения. И единственно верное – операция.

Было от чего расстроиться...

Наверно, вы замечали, что жизнь бросает нам вызов, когда мы меньше всего этого ожидаем, не так ли... На вызов надо ответить незамедлительно. Отговориться или сделать вид, будто ничего не происходит – не выйдет. Чревато! Объяснив это себе, я решилась принять вызов. И сразу всё встало на своё место. Успокоилась. Заснула, и спала без жутких сновидений и кошмаров.

С детьми попрощалась дома, уговорив их навестить меня в больнице после операции. Зная мой характер, не терпящий суеты вокруг своей персоны, они согласились. Павел повез меня. В дороге мы молчали.

Весеннее неторопливое утро. Природа пробуждалась от длинного сна так активно, словно боялась не успеть – деревья вокруг благоухали, посылая человечеству многоцветье тропательных бутончиков, птицы исполняли утреннюю симфонию...

Вокруг благодать. А на сердце?!

Приехали. Павел поцеловал, крепко прижимая к себе.

Я ответила ему тем же, улыбнулась и шагнула в здание, где меня должны резать. Неприятно странно... Почему-то взглянула на себя со стороны... Увидела хрупкую, хорошо сложенную женщину с гордо поднятой головой. На лице нет страха, в глазах – любопытство... Входит в приёмный покой больницы. Уверенно, бодро.

Я раздвоилась? Словно два человека... Один следит за тем, как ведёт себя другой. Мне понравился тот, другой; он не хотел быть уличён в трусости. Слабость – не моя тема. И с таким настроением вошла... Не раскисать!

В небольшой комнатке медсестра заполнила анкету и попросила пройти в соседнюю для осмотра. Я вошла и... остановилась. Двое мужчин в белых халатах разговаривали. Героический двойник во мне сник. Шикнула на него...

– «Это они будут осматривать, что ли? – подумала, а вслух произнесла, что все осмотры проведены и диагноз поставлен, на что один из врачей, более крупный, обрюзглый, скорее похож на мясника, чем на врача, заметил, что приёмный покой для того и существует, чтобы осматривать больных перед госпитализацией. Второй молчал. Мне не хотелось начинать день с препирательств и, тем более, не хотелось говорить о знакомстве с их начальством. – «Решила пройти этот путь – пройди до конца,» – шепнул во мне насмешливый двойник и подтолкнул к гинекологическому креслу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.